

Кто такие бесы, и нужно ли их бояться

Что имеет в виду современный неверующий человек, когда говорит «я был взбешен» или «меня это бесит»? Наверное, в большинстве случаев — просто крайнюю степень раздражения. И хотя корневая основа подобных слов ясно указывает на их происхождение от слова «бес», в наше время это мало кого может смутить.

В рецензии на новый спектакль пресса восторженно сообщает, что премьера прошла «с бешеным успехом», тинэйджеры пишут в своих сетевых дневниках, как они «классно побесились» на рок-концерте, а ветеринары делают домашним животным прививки «от бешенства».

Столь безразличное отношение к употребляемым словам легко объясняется простым, но печальным фактом: к сожалению, люди сегодня очень плохо представляют себе, кто же это такие — бесы. Откуда они взялись, какими качествами обладают и стоит ли отождествлять себя и окружающих с этими существами, пусть даже всего лишь на уровне фигуры речи?

Для людей, не склонных к чтению религиозной или оккультной литературы, едва ли не единственным источником знаний о бесах становится литература художественная. И тут с некоторым недоумением приходится признать, что даже в произведениях классиков описание нечистых духов весьма противоречиво, неоднозначно и,

скорее, сбивает читателя с толку, чем помогает разобраться в сути дела.

Писателями создана целая галерея различных образов, которые весьма непохожи друг на друга. С одного фланга в этом ряду стоят фольклорные изображения беса в произведениях Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина. В этой версии бес представлен как достаточно нелепое и бестолковое существо с противной наружностью и настолько низким интеллектом, что даже простой деревенский кузнец легко подчиняет его себе, используя в качестве транспортного средства. Или же, вооружившись куском веревки и парой незатейливых мошеннических трюков, злого духа запросто обводит вокруг пальца известный пушкинский персонаж с красноречивым именем Балда.

На противоположном фланге галереи литературных бесов — Булгаковский Воланд. Это уже едва ли не всемогущий вершитель человеческих судеб, средоточие интеллекта, благородства, справедливости и прочих положительных качеств. Человеку бороться с ним бессмысленно, поскольку, по Булгакову, он практически непобедим, ему можно только с благоговением подчиниться — как Мастер и Маргарита, или погибнуть — как Берлиоз, ну а в лучшем случае — повредиться рассудком, как поэт Иван Бездомный.

Две эти крайности в литературном изображении бесов, естественно, формируют у читателей такие же крайности и в отношении к изображаемому. От полного пренебре-

жения пушкинскими бесенятами-недотепами как безусловно сказочными персонажами до полной уверенности в реальном существовании Воланда-сатаны, суеверного ужаса перед его могуществом, а иногда и прямого поклонения духам тьмы.

Ничего удивительного тут нет, сила художественного произведения в том и заключается, что литературный герой начинает восприниматься нами как настоящий. В Лондоне, например, существует вполне реальный музей, посвященный вымышленному сыщику Шерлоку Холмсу, а в Советском Союзе настоящие городские улицы называли именем пламенного революционера Павки Корчагина, невзирая на его стопроцентно литературное происхождение.

Но в случае с художественным образом бесов мы имеем совершенно иную ситуацию. Дело в том, что даже в пространстве литературного произведения духовный мир существует не в рамках человеческой истории, а как бы параллельно ей — его обитатели не стареют, не умирают и не подвержены влиянию времени, они всегда рядом. И если предположить, что у вымышленных персонажей того же Михаила Булгакова существуют реальные прототипы в духовном мире, то следует признать, что читательский восторг и преклонение перед Воландом явно выходят за рамки литературной проблематики. Здесь возникают уже гораздо более серьезные вопросы — например, **в какой степени образ беса, созданный художественным вооб-**

ражением писателя, соответствует духовной реальности? Или — насколько безопасно для человека отношение к бесам, сформированное их литературными образами? Очевидно, что на эти вопросы литературоведение ответить уже не может. И, поскольку в европейскую литературу бес перекочевал из христианской религиозной традиции, разумно было бы выяснить — что же говорит об этом существе христианство?

Люцифер

Вопреки распространенному заблуждению, сатана вовсе не является вечным антиподом Бога, а бесы — антиподами ангелов. И представление о духовном мире как о некоем подобии шахматной доски, где черные фигуры на равных условиях играют против белых, в корне противоречит учению Церкви о падших духах.

В христианской традиции существует понимание четкой границы между Богом-Творцом и Его творением. И в этом смысле абсолютно все обитатели духовного мира в равной степени относятся к категории творений Божиих. Более того, сама природа бесов изначально точно такая же, как и у ангелов, и даже сатана не является каким-то особенным «темным богом», равным по силе Творцу. Это всего лишь ангел, который когда-то был самым прекрасным и сильным творением Бога в созданном мире. Но само имя — Люцифер («светоносный») — не совсем правильно употреблять по отношению к сатане, поскольку

это имя принадлежит не ему, а тому самому светлому и доброму ангелу, которым сатана когда-то был.

Густав Доре. Павший сатана

Церковное предание говорит, что духовный мир ангелов был создан Богом еще до сотворения материального мира. К этому во всех смыслах доисторическому периоду и относится катастрофа, в результате которой треть ангелов, возглавляемые сатаной, отпали от своего Творца: увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю (Откр 12:4).

Причиной этого отпадения стала неадекватная оценка Люцифером своего совершенства и могущества. Бог поставил его над всеми остальными ангелами, наделив его силой и свойствами, которых не было больше ни у кого;

Люцифер оказался самым совершенным существом в сотворенной вселенной. Эти дары соответствовали его высокому призванию — исполнять волю Божию, начальствуя над духовным миром.

Но ангелы не были подобием автоматов, жестко запрограммированных на послушание. Бог создал их с любовью, и исполнение Его воли должно было стать у ангелов ответным проявлением любви к своему Создателю. А любовь возможна лишь как реализация свободы выбора — любить или не любить. И Господь дал ангелам эту возможность выбирать — быть с Богом или быть без Бога...

Невозможно с точностью сказать, как именно произошло их отпадение, но общий смысл его заключался в следующем.

Люцифер-Денница посчитал, что полученное могущество делает его равным Богу, и решил оставить своего Создателя. Вместе с ним это роковое для них решение приняли третья часть всех ангелов.

Между мятежными и верными духами (которых возглавил архангел Михаил) произошел конфликт, описанный в Священном Писании следующим образом: И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый

дьяволом и сатанюю, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним (Откр 12:7-9).

Так прекрасный Денница стал сатанюю, а соблазненные им ангелы — бесами. Нетрудно заметить, что здесь нет ни малейших оснований говорить о войне сатаны против Бога. Как может воевать с Богом тот, кто даже от своих собратьев-ангелов потерпел сокрушительное поражение?

Потеряв ангельское достоинство и место на Небесах, падшие духи оказались подобны воинам поверженной армии, сорвавшим с себя при отступлении ордена и погоны.

Сумасшедший почтальон

Само слово «ангел» — греческого происхождения, в переводе на русский язык оно означает буквально «вестник», то есть тот, кто приносит весть от Бога, сообщает Его благую волю остальному творению. Но чью волю может сообщить ангел, который не захотел служить своему Создателю, какую весть может принести такой «вестник» — и можно ли верить этой вести?

В книге Клайва Льюиса «Письма Баламута» бес Баламут наставляет своего племянника, как искушать человека, к которому тот «приставлен».

Предположим, в небольшом городке один почтальон ужасно обиделся за что-то на своего начальника и пере-

стал приходить на почту за новыми письмами. Но званием почтальона он очень гордился, письма разносить любил и, что самое грустное, ничего, ну просто абсолютно ничего больше не умел делать.

И началась у него странная жизнь. Целыми днями неприкаянно слонялся он по городу в своей почтальонской фуражке с опустевшей почтовой сумкой на плече, а вместо писем и телеграмм засовывал людям в почтовые ящики всякую дрянь, подобранную на дороге. Очень скоро он приобрел репутацию городского сумасшедшего. Сумку и фуражку у него отняли милиционеры, а жители начали прогонять его прочь от своих дверей. Тогда он ужасно обиделся и на жителей тоже.

Но письма носить ему очень хотелось. И он придумал хитрую каверзу: темной ночью, когда его никто не видел, он потихоньку крался вдоль городских улиц и подкидывал в почтовые ящики письма, написанные... им самим. Он давно работал на почте, поэтому быстро научился подделывать почерк отправителей, их адреса и почтовые штампы на конвертах. А в письмах писал... Ну что мог писать такой тип? Конечно же, только всякие гадости и вранье, поскольку он очень хотел досадить прогнавшим его жителям.

... Безусловно, эта грустная сказка про сумасшедшего почтальона — всего лишь очень слабая аналогия трагической истории превращения ангелов в бесов. Но для более точного описания глубины нравственного падения и безумия

злых духов даже образ серийного маньяка оказался бы слишком светлым, мягким и неубедительным. Сам Господь назвал сатану — убийцей: он (диавол) был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи (Ин 8:44).

К самостоятельному творчеству ангелы не способны, они могут лишь выполнять творческий замысел Бога. Поэтому единственным способом существования для отказавшихся от своего призвания ангелов оказалось стремление к разрушению и уничтожению всего, к чему они могли хотя бы прикоснуться.

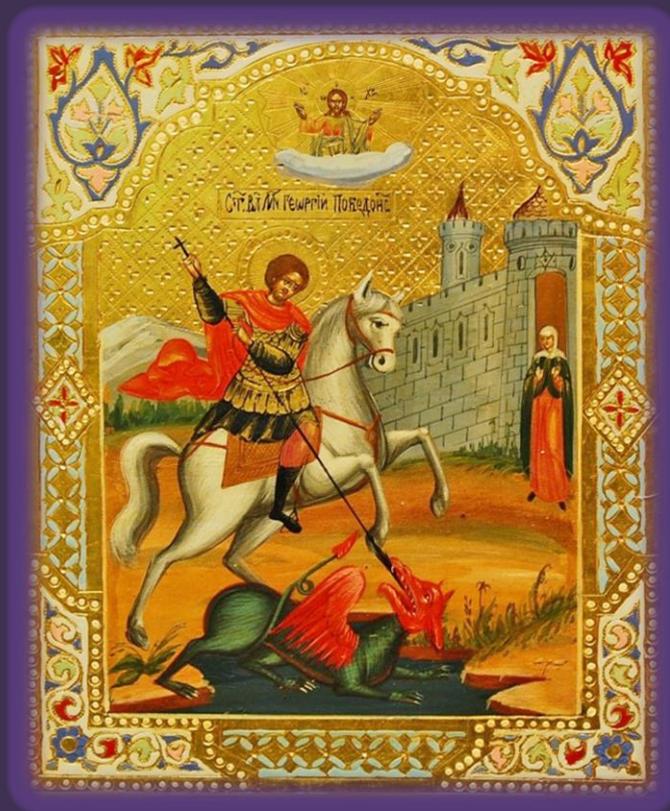
Завидуя Богу, но не имея ни малейшей возможности причинить Ему какой-либо вред, бесы всю свою ненависть к Творцу распространили на Его творение. А поскольку венцом материального и духовного мира, самым любимым творением Божиим стал человек, на него и обрушилась вся неудовлетворенная мстительность и злоба падших ангелов-вестников, несущих людям вместо воли Божией — свою, страшную для всего живого волю.

И здесь возникает очень важный вопрос: как же человеку выстраивать отношения со столь грозной силой, стремящейся его погубить?

Шиш или свечка?

В сборнике народных русских сказок А. Н. Афанасьева есть любопытный сюжет на религиозную тему:

«Одна баба, ставя по праздникам свечку перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывала кукиш змею, изображенному на иконе, и говорила: вот тебе, святой Егорий свечка, а тебе, сатана, — шиш. Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел; явился к ней во сне и стал стращать: „Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!“ После того баба ставила по свечке и Егорию, и змию. Люди и спрашивают — зачем она это делает? „Да как же, родимые! Ведь не знамо еще куда попадешь: либо в рай, либо в ад!“»

Икона Георгия Победоносца с поверженным сатаной в виде змия

В этой истории, несмотря на весь ее христианский антураж, очень лаконично и убедительно представлен языческий принцип одновременного налаживания отношений и со злыми божествами, и с добрыми.

И сам путь к практическому решению проблемы указан здесь довольно ясно: каждому по свечке и — все довольны! Почему же так комично выглядит в этом народном анекдоте предусмотрительность наивной женщины? Да потому, что умиловать беса может надеяться лишь тот, кто не понимает простой истины: наладить добрые отношения со злыми духами невозможно. Возненавидев все творение без исключений, бесы загнали себя в онтологический тупик, так как сами они тоже — творения Божии. Поэтому ненависть стала для них единственно возможной формой отношений друг к другу, и даже самих себя они могут только ненавидеть. Сам факт собственного бытия является для бесов мучительным.

Такое страшное мироощущение можно сравнить, наверное, лишь с состоянием несчастного животного, умирающего от вирусной инфекции, которую в просторечии не без оснований называют бешенством. Главным симптомом этой страшной болезни являются спазмы пищевода, не пропускающие в организм никакую жидкость. Вода может находиться совсем рядом, но животное умирает от жажды, не имея малейшей возможности ее утолить. Обезумев от этой пытки, больной зверь кидается на всех, кто имел неосторожность к нему приблизиться, ну а если никого рядом нет — уже в полном помрачении кусает сам себя.

Но даже такая жуткая картина может дать лишь очень слабое и приблизительное представление о том, что же

может испытывать существо, люто ненавидящее весь мир, не исключая себя самого и себе подобных.

А вот теперь — вопрос на засыпку: будет ли здравомыслящий человек пытаться завести дружбу с бешеной собакой? Или, к примеру, смог бы киплингский Маугли выжить в стае бешеных волков, непрерывно рвущих друг друга? Ответ в обоих случаях очевиден. Но тогда неизмеримо более безнадежным предприятием является попытка умиловить беса с тем, чтобы обеспечить себе комфортабельное местечко в аду.

Делать реверансы в сторону сил зла — бессмысленное и бесполезное занятие. В Священном Писании ясно сказано, что для сатаны люди представляют интерес исключительно в качестве потенциальной жертвы: ***Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить (1 Пет 5:8).***

И хотя тыкать кукишем в икону Георгия Победоносца, как это делала героиня афанасьевского анекдота, совсем не благочестивое дело, и заниматься этим, конечно, не стоит, но все же тем христианам, которые испытывают суеверный страх перед бесами, не худо было бы вспомнить, что в самом чине Таинства крещения каждый христианин не то что кукиш бесу показывает, но буквально — плюет на него троекратно, отрекаясь от сатаны.

Мало того, впоследствии христианин ежедневно вспоминает об этом отречении в молитве святителя Иоанна Златоуста, читаемой перед выходом из дому: *«Отрицаюся тебе, сатано, и гордыни твоей и служения тебе; и сочетаюся Тебе, Христе Боже, во имя Отца и Сына и Святаго Духа».*

Но откуда же берется у христиан подобное дерзновение? Ответ прост: плевать на таких опасных и сильных врагов может только тот, кто находится под надежной защитой.

Кто утопил свиней

Люди, впервые знакомящиеся с Евангелием, иногда обращают пристальное внимание на те детали евангельского повествования, которые для воцерковленного человека являются второстепенными и малозначительными. Один такой случай описывает Н. С. Лесков в повести «На краю света», где православный епископ, путешествуя по Сибири, пытается объяснить своему проводнику-якуту суть христианского вероучения:

«Ну а знаешь ли ты, зачем Христос сюда на землю приходил?»

Думал он, думал — и ничего не ответил.

— Не знаешь? — говорю.

— Не знаю.

Я ему все Православие и объяснил, а он не то слушает, не то нет, а сам все на собак погикивает да оростелем машет.

— Ну, понял ли, — спрашиваю, — что я тебе говорил?

— Как же, бачка, понял: свинью в море топил, слепому на глаза плевал — слепой видел, хлебца-рыбка народца дал.

Засели ему в лоб эти свиньи в море, слепой да рыбка, а дальше никак и не поднимется...»

Парадоксальным образом все те же свиньи, засевшие в лоб лесковскому безграмотному якуту, в наши дни иногда могут привести в смущение уже вполне цивилизованных людей с высшим образованием. Как кроткий и любящий Христос, который «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит», смог безжалостно утопить

стадо свиней? Разве любовь Божия не распространяется и на животных тоже?

Вопросы вроде бы формально правильные (хотя возникнуть они могли, наверное, лишь у современного человека, который никак не связывает ветчину на своем столе со свиньей, из которой эту ветчину сделали). Но все же ошибка в подобном рассуждении есть. И дело даже не в том, что упомянутые в Евангелии свиньи рано или поздно все равно попали бы под нож мясника.

При внимательном прочтении этого места в Евангелии становится очевидным простой факт: Христос не топил несчастных животных. В их гибели виноваты... бесы.

Когда же вышел Он на берег, встретил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах. Он, увидев Иисуса, вскричал, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня. Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, — потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, выйдя из человека,

вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло (Лк 8:27–33).

Здесь очень наглядно проявлена разрушительная сила ненависти бесов ко всему живому, заставляющая их действовать даже вопреки собственным интересам. Изгнанные из человека, они просят Христа позволить им войти в свиней, чтобы жить в них и не идти в бездну. Но как только Христос позволяет им это, бесы тут же топят всех свиней в море, снова оставшись без пристанища. Понять такое поведение невозможно, поскольку в ненависти нет ни логики, ни здравого смысла. Прогуливающийся по детскому саду сумасшедший с опасной бритвой в руке будет выглядеть на фоне бесов безобидным и мирным обывателем. И если бы такие жуткие существа могли беспрепятственно орудовать в нашем мире, то ничего живого в нем давно бы уже не осталось. Но в евангельской истории со свиньями Господь ясно показал, что бесы вовсе не свободны в своих действиях. **Вот как говорит об этом преподобный Антоний Великий:**

«Даже над свиньями не имеет власти диавол. Ибо, как написано в Евангелии, демоны просили Господа, говоря: повели нам идти в свиней. Если же не имеют власти над свиньями, тем паче не имеют над человеком, созданным по образу Божию».

Отрекаясь в крещении от сатаны, человек вверяет себя Тому, Кто имеет абсолютную власть над сатаной. Поэтому, даже если бесы нападают на христианина, это не должно

его особо пугать. Такое нападение возможно при единственном непременном условии: если его разрешит Господь. Укус змеи смертелен, но искусный врач умеет готовить из змеиного яда лекарство. Так и Господь злую волю бесов может использовать как средство для исцеления человеческой души. По общему мнению отцов, беснование попускается Богом тем людям, для которых этот путь оказывается наилучшим в приобретении смирения и спасения. «В духовном отношении такое наказание Божие отнюдь не служит худым свидетельством о человеке: такому преданию сатане подвергались многие великие угодники Божии...» — *пишет святитель Игнатий (Брянчанинов).*

«Между тем, обременение демоном нисколько не жестоко, потому что демон совершенно не может свергнуть в геенну, но если мы бодрствуем, то это искушение принесет нам блестящие и славные венцы, когда мы будем с благодарностью переносить такие нападения» (святитель Иоанн Златоуст).

Искушение святого Антония

Бесы действуют лишь там, где им попускает это Господь, обращающий злые замыслы падших духов ко благу людей. Этим отчасти объясняется знаменитый парадокс Мефистофельского самоопределения у Гете: *«я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»*. Хотя даже в литературном произведении бес все равно продолжает врать: никакого блага совершить он, конечно

же, не в состоянии и, как всегда, приписывает себе чужие заслуги.

Иероним Босх. Испытание святого Антония

А что же может бес на самом деле? В этом вопросе мнение отца христианского монашества Антония Великого можно считать более чем авторитетным, поскольку бесы воевали с ним в пустыне несколько десятилетий. На знаменитом полотне Иеронима Босха «Испытание святого Антония» изображена жуткая картина: стая клыкастых и рогатых чудовищ нападает на одинокого монаха. Этот сюжет не придуман художником, он взят из реального жития преподобного Антония, и все эти страшные нападения святой пережил на самом деле. Но вот какую неожиданную оценку дает этим ужасам сам Антоний Ве-

ликий: «Чтобы не бояться нам демонов, надо рассудить и следующее. Если бы было у них могущество, то не приходили бы толпою, не производили бы мечтаний, не принимали бы на себя различных образов, когда строят козни; но достаточно было бы прийти только одному и делать, что может и хочет, тем более, что всякий имеющий власть не привидениями поражает, но немедленно пользуется властью как хочет. Демоны же, не имея никакой силы, как бы забавляются на зрелище, меняя личины и стращая детей множеством привидений и призраков. Посему-то наипаче и должно их презирать, как — бессильных».

Чем дальше, тем хуже...

Бесы ненавидят Бога. Но чем Бог отвечает на эту ненависть? Преподобный Иоанн Дамаскин пишет: «Бог и диаволу всегда предоставляет блага, но тот не хочет принять. И в будущем веке Бог всем дает блага — ибо Он есть источник благ, на всех изливающий благость, каждый же причащается ко благу, насколько сам приуготовил себя воспринимающим».

Несмотря на всю глубину падения бесов, Бог не воюет с ними и всегда готов принять их обратно в ангельский чин. Но чудовищная гордость падших духов не дает им ответить на все проявления Божией любви. Вот как говорит об этом современный святой, афонский старец преподобный Паисий Святогорец:

«Если бы они сказали только одно: „Господи, помилуй“, то Бог что-нибудь придумал бы для их спасения. Если бы они только сказали „согреших“, но ведь они этого не говорят. Сказав „согреших“, диавол снова стал бы ангелом. Любовь Божия беспредельна.

Но диавол обладает настырной волей, упрямством, эгоизмом. Он не хочет уступить, не хочет спастись. Это страшно. Ведь когда-то он был ангелом! Помнит ли диавол свое прежнее состояние? он весь — огонь и неистовство... И чем дальше, тем хуже он становится. Он развивается в злобе и зависти. О, если бы человек ощутил состояние, в котором находится диавол! Он плакал бы день и ночь. Даже когда какой-нибудь добрый человек изменяется к худшему, становится преступником, его очень жаль. А что же говорить, если видишь падение ангела!.. падение диавола не может быть вылечено ничем иным, кроме его собственного смирения. Диавол не исправляется потому, что не хочет этого сам. Знаете, как был бы рад Христос, если бы диавол захотел исправиться!»

К сожалению, для подобной радости диавол не дает никаких поводов.

И единственно правильное и безопасное для человека отношение к падшим духам, обезумевшим от злобы и гордости, — не иметь с ними ничего общего, о чем и просят Господа христиане в заключительных словах молитвы «Отче наш»: ...не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Аминь.